

Андрей МАКАРЕВИЧ:

Я стараюсь стоять в стороне...

Известия. — 2001. — 21 июля. — с. 10

Андрей Макаревич закончил работу над новым альбомом, который выйдет в сентябре. Называется «Место, где свет». Изготовлена очередная порция «Смака». О вкусе этой еды и телевидения в принципе рассказал Макаревич корреспонденту «Известий» Анне КОВАЛЕВОЙ.

— «Смак» появился в 1993 году. Вид кастрюль вас еще не ужасает?

— У меня здоровая психика. Человек, которого ужасает вид кастрюль, должен пойти к психиатру. «Смак» — абсолютно живая передача, внутри которой нет никаких рамок. Если кто-то захотел спеть, можно и спеть. Если мне интересно послушать истории, буду их слушать. Захочется рассказать самому, я это сделаю. При этом еще и руки заняты. Но мы можем и не готовить. Это не самое главное. Кстати, было несколько таких передач. Хотя недовольна та часть зрителей, которая видит в нашей программе исключительно кулинарные рецепты... Но мы стараемся их не обижать.

— Как-то вы это без любви к своему зрителю сказали.

— Любить абстрактно невозможно. Трудно представить те тридцать миллионов человек, которые смотрят меня по субботам. Когда мы играем на стадионе на тридцать тысяч человек, и это слишком много...

— Не раздражает, что вас ассоциируют в лучшем случае с бизнесом, в худшем — с кухней?

— Я знаю, что аудитория людей, которых интересуют мои пластинки, мои концерты, мои книжки, достаточно велика, и прекрасно сознаю свою ответственность перед ними. А на тех, кто там меня с кастрюлями ассоциирует, мне наплевать.

— Вы — удачливый бизнесмен. А как же высокое искусство? — Когда я только шел на теле-

видение, то много спорил с Сашей Любимовым. Я тоже говорил, что телевидение — это искусство, а Саша говорил, нет, это ремесло, которое представляет собой особый способ заполнения временного пространства. К сожалению, сегодня я с ним согласен: это действительно ремесло.

— К сожалению?

— Жалко, когда рушатся романтические представления о мире.

— Перемены, происходящие на канале, вас касаются?

— Безусловно. Всякий раз при смене руководства на любом канале новая метла начинает мести по-новому. Сначала убирают неудобных, потом смотрят на сетку, так как нужно свой след оставить. Но мы не можем повлиять на это. Мы — независимые производители, у нас либо покупают программу, либо нет.

— Что произошло с «Абазуром»? Может, стоит его возобновить?

— Сначала их покупали, а потом перестали покупать. Я бы с удовольствием вернулся к «Абазуру», это моя любимая программа, но ОРТ на сегодняшний день в ней не нуждается. А предлагать передачу другому каналу после того, как она побывала на ОРТ, как-то странно.

— В самом деле? Мне казалось, это распространенная практика.

— По контракту я не могу быть ведущим на нескольких каналах.

— Значит, ничего нового не будет?

НАДЕЖДА ЛЕБЕДЕВА

— Если я не ведущий, это не значит, что я ничего не делаю. Мы производим шесть или семь программ на разных каналах. Собираемся снимать фильм по «Танцюру» Владимира Тучкова. Есть проект «Тайные истории» с Дмитрием Харитоновым — познавательная программа про не очень давние загадки истории. Уже снимаем и получается на уровне «Дискавери». Будет новая программа, связанная с путешествиями по России и другим странам мира. Есть желание снимать

подводную программу. Я знаю, где лежат затонувшие корабли, ладья викингов... Но у нас предпочитают покупать устаревшие фильмы Кусто, а в наши силы не верят.

— Вы могли бы найти деньги сами, а потом продавать готовый продукт. Вы же — независимые производители.

— Часто так и делается. Но бывает, что ты нашел деньги, снял несколько программ, а у тебя их никто не покупает. «Тайные истории» мы пока снимаем за

свой счет. Но, думаю, с ними проблем не будет. Если мне это интересно, найдутся и другие люди. Так что какой-нибудь канал это купит. А с подводными историями хотелось бы иметь контракт хотя бы на полгода — это слишком дорогое удовольствие.

— Приход нового генпродюсера Александра Файфмана, может привести к серьезным изменениям на канале?

— Я Файфмана знаю как талантливого режиссера, хорошего

клипмейкера когда-то. Он — человек с хорошим вкусом, с хорошим ощущением темпа и динамики. Вообще я не очень представляю, что это за должность и кем надо быть, чтобы сидеть на этом кресле.

— На телевидении, так же как и в шоу-бизнесе, смена поколений происходит молниеносно. Как вы думаете, чем это обусловлено?

— Погоней за конъюнктурой, гонкой за, может быть, и ложным чувством конкуренции. Мне это не очень понятно. Отдает излишней суетой. Лучше сделать одну хорошую программу, чем поменять три плохих.

— Кем вы себя ощущаете: патриархом, человеком номер один, два?

— Нет-нет, я не занимаю никаких чинов в русской православной церкви. Я ощущаю себя человеком, в общем не лишенным способностей, который занимается тем, что его интересует. Да и кто номера раздает?

— Что скажете по поводу конфликта с телеакадемиками...

— Я никогда не рвался в академии и не буду. Если кто-то будет настаивать на том, чтобы я там оказался, может быть, и соглашусь.

— Я спросила, нужно ли так много академиков или нет.

— Да мне все равно. Это далеко от полян, по которым я гуляю.

— Вы всегда стоите в стороне?

— Стараюсь. Стараюсь быть независимым. Так гораздо легче.

— И не надо нести ответственности за то, что происходит.

— Ничего подобного. Когда вокруг тебя семьдесят человек, если что-то получается, все победили, все — герои. А вот если не получилось, виноватых не найти. Один — я сам за все отвечаю.